

ББК 63.3(2)531-7

Н.В. Грудинина

**Религиозная жизнь населения
Северо-Восточного Казахстана
во второй половине XIX – начале XX в.**

N.V. Grudinina

**Religious Life of People of North-Eastern Kazakhstan
at the Second Half of XIXth – the Beginning of XXth Centuries**

Статья посвящена религиозной жизни населения Северо-Восточного Казахстана во второй половине XIX – начале XX в. Рассматривается процесс развития православного храмового строительства в регионе. Также на основе анализа широкого круга архивных данных установлено, что в конце XIX в. происходит снижение религиозности среди населения края.

Ключевые слова: православие, религиозность, церковь, Северо-Восточный Казахстан, исповедь, проповедь.

The article focuses on religious life of people in North-Eastern Kazakhstan from the second half of XIXth to beginning of XXth centuries. The author explores development of construction of orthodox churches at the region. Also, analyzing wide specter of archive documents the researcher have found that religiosity of the people began to fall from the end of XIXth century.

Key words: Orthodox Church, religiosity, church, North-Eastern Kazakhstan, confession, sermon.

В дореволюционной России религиозное сознание являлось не только духовным «ядром», но и духовным наполнением жизни, обеспечивало интеграцию верующих в единое сообщество. Вера была неременным свойством человека, отвечающим нравственному идеалу большинства населения как в Европейской России, так и на осваиваемых азиатских территориях.

В сложившейся в начале XX в. в результате роста переселенческого движения конфессиональной структуре населения Северо-Восточного Казахстана православное население составляло в Акмолинской области 51,3% [1], а в Семипалатинской области – 20,1% [2], исламизированные коренные жители – соответственно 46,6 и 78,5%, а на верующих других конфессий приходилась сравнительно небольшая доля населения – около 2,1 и 1,4%. Увеличение численности православного населения края привело к организационному развитию официальной православной церкви в Северо-Восточном Казахстане. Только с 1895 по 1905 г. на его территории было построено 52 церкви, из которых 4 – по линии Сибирской железной дороги, 14 – в Семипалатинском уезде, 10 – в Акмолинском, 6 – в Атбасарском, 18 – в Кокчетавском уездах [3, с. 4].

Для финансирования строительства церквей в регионе можно назвать следующие источники: 1) средства местных жителей; 2) средства благотворителей; 3) средства казны; 4) средства фонда имени императора Александра III; 5) средства войскового капитала Сибирского казачьего войска.

Первый вид источников финансирования был невозможен без сильной религиозной мотивации. К примеру, из 45 церквей Петропавловского уезда Акмолинской области 25 были построены «тщанием прихожан». Храм, выстроенный своими трудами, становился неотъемлемой частью жизни населения.

Нередкими являлись случаи, когда культовые здания в крае были выстроены на средства благотворителей. Так, по инициативе и на пожертвования семипалатинских купцов Ф.П. Плещеева, В.И. Ложкина, А.В. Мосвитина в 1882 г. была заложена часовня в честь царствования Александра II, по их же запросу в 1884 г. она была переименована в Александро-Невскую церковь [4, л. 1–2]. Для купца Ф.П. Плещеева постройка Александро-Невской церкви обошлась в 50 тыс. руб. [5, л. 73]. В 1851 г. на средства почетной гражданки А.Г. Зенковой была выстроена Васильевская Старокладбищенская церковь в Петропавловске Акмолинской области [3, с. 95].

Государственное финансирование возведения церквей в Северо-Восточном Казахстане было довольно редким явлением. Только в тех случаях, когда у населения отсутствовали необходимые средства, а благотворители не проявляли инициативы в строительстве церквей, возведение новых храмов финансировалось казной. Так, в 1907 г. Святейшим Синодом из-за отсутствия средств у местного населения и истощения фонда императора Александра III было принято решение выдать переселенцам Акмолинской и Семипалатинской областей безвозвратные пособия в сумме 67800 руб.

на храмовое строительство [6, л. 37об.]. Акмолинское областное правление, в свою очередь, назначает сумму в 5 тыс. руб. для строительства каждой церкви, «чтобы при более скромных затратах построить более церквей и тем скорее удовлетворить религиозно-нравственную нужду переселенца» [7, л. 38].

Так как населению многих переселенческих деревень из-за относительной малочисленности и бедности жителей было не под силу собрать деньги на строительство церкви, епархиальное начальство разрешало строить часовни или молитвенные дома, надеясь со временем превратить их в храмы. Например, жителям с. Калачи Атбасарского уезда Акмолинской области, не имевшим возможности во время весеннего разлива Иртыша посещать церковные службы в отстоящей от них в 25 верстах приходской церкви, из-за чего они «год от году становились менее исправными в исполнении христианского долга исповеди Св. Причащения», было предложено выстроить у себя молитвенный дом, что они и сделали [6, л. 83об.].

Начало деятельности фонда имени императора Александра III относится к 1894 г., когда комитет Сибирской железной дороги поднял вопрос о сооружении церквей и школ на главных станциях Великого Сибирского пути за счет «остатков от строительных кредитов» [8, с. 105]. Однако правительство, не сумев взять на себя расходы по церковно-школьному строительству, привлекло для решения этой проблемы материальные средства общественности. С 1894 по 1904 г. на церковное и школьное строительство из фонда в Акмолинскую область было переведено денежных средств на сумму 273947 руб. [9, с. 115].

В отчетах благочинных настрой паствы характеризовался как «удовлетворительный»: «Прихожане исполняют все таинства и обряды, и хотя часть предана расстройству и пьянству... Большая часть прихожан посещают храм не только в воскресенье и праздничные дни, но и в будничные дни» [10, л. 39об.]. Однако было много уклонявшихся от хождения к богослужению в силу различных обстоятельств.

Существовало немало общих для всех регионов страны причин для нерегулярного посещения церк-

вей крестьянами: дальность расстояния и неблагоприятные погодные условия (снежные заносы зимой, весеннее половодье, осенняя распутица), летом же, когда, казалось бы, погода не препятствовала посещению храма, крестьяне были заняты сельскохозяйственными работами, кроме того, были «мирские заботы», мешавшие хождению на богослужения – базар и общинный сход. Так, жители поселка Зыряновского, «хотя и проявляют благие задатки веры, но общинная жизнь эти проявления скоро гасит. Праздничное время большинство проводит в разбирательстве дел, накопившихся в течение недели. В воскресные дни, даже в самое богослужбное время, рабочий народ собирается рудничным управителем для назначения работ» [11, л. 89об.]. Благочинный Семипалатинской области в своем отчете за 1891 г. замечает, что «прихожане сел, лежащих около г. Усть-Каменогорска: Ульбинского, Тарханского, Бобровского, Верх-Убинского, Красноярского, Глубоковского и др[угих]. в воскресные дни отвлекаются от храмов Божиих существующими в воскресенье базарными днями в г. Усть-Каменогорске. Поездки на базар в праздничные дни для продажи хлеба и проч., кроме отвлечения от храма Божия, умножают в людях пьянство, последствием чего являются семейные ссоры и другие пороки», и сетовал на то, что «для отвлечения прихожан от поездки на базар в воскресенье священниками приняты все меры, какие возможны, но голос их остается гласом вопиющего в пустыне» [12, с. 16].

Для колонизируемых православным населением территорий Северо-Восточного Казахстана важное значение имели также такие факторы, как удаленность храма от приходских деревень и поселков и опасность столкновения с казахами.

В качестве основного критерия принадлежности к православному вероисповеданию рассматривалось исполнение таинств. Важную социальную и религиозную роль приобрели два из них – **таинства исповеди и причастия**.

Согласно сохранившимся епархиальным отчетам, посещаемость исповеди в Семипалатинской области во второй половине XIX в. выглядела следующим образом (табл.).

Пропуск исповеди и причастия лицами православного исповедания Семипалатинской области в 1872–1875 гг.

Год	Исповедалось и причастилось		Исповедалось, но не причастилось		Не исповедалось по отлучкам		Не исповедалось по нерадению	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1872	12487	36,96	302	0,9	493	1,46	20501	60,68
1873	11213	36,99	185	0,6	408	1,35	18 511	61,06
1875	12631	42,30	75	0,25	806	2,70	16346	54,75

Подсчитано по: ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 478. Л.16, 47, 80; Д. 548. Л. 18, 63, 66 об.–67; Д. 1018. Л. 67об.–68, 51об.–52, 103.

Как видно из данных таблицы, более половины прихожан Семипалатинской области во второй половине XIX в. игнорировали ежегодное исполнение долга исповеди и причастия.

По мнению О.В. Никифоровой, основными мотивами редкого причастия были следующие: 1) формальное и безразличное отношение к вере, объяснявшееся занятостью хозяйственными и домашними делами; 2) благоговейное отношение к таинству, исходящее из не совсем верного понимания его сути [13, с. 176].

Принятие таинства причастия было окружено почтительным страхом, поэтому многие предпочитали совсем не приступать к таинству, чем быть осужденными за его недостойное принятие. Так, в отчете о религиозно-нравственном состоянии приходов, составленном в 1891 г. для духовной консистории, благочинный Семипалатинской области А. Дагаев указывал, что причиной отказа от святого таинства причастия «служит соображение жителей о том, что они слишком грешны, не могут содержать себя по принятии святого таинства в надлежащей чистоте вследствие супружеской жизни» [12, с. 15].

Уже в конце XIX в. некоторые священнослужители с тревогой констатировали отрицательные явления в духовной жизни народа, в том числе проявлявшиеся в отношении к исполнению религиозных обрядов.

Подобные тенденции наблюдались по всей Сибири. Так, согласно докладом епископов Синоду, от половины до 2/3 и более жителей сел и деревень Сибири не были на исповеди более года, даже по 10–20 лет [14, с. 137]. В.А. Зверев приводит данные о воинском призыве за 1881 г., согласно которым доля не бывавших у исповеди и причастия в течение года более среди новобранцев православного исповедания из Западной Сибири равнялась 97,1% и была в 2,4 раза выше, чем по стране в целом. Почти половина парней-сибиряков вообще никогда или, по крайней мере в последние пять лет, не исполняла своего христианского долга [15, с. 99].

Заметный упадок веры и нравственности населения, «отчуждение от духа церковности» побуждают епархиальное руководство к выработке мер, направленных на устранение этих явлений. 5–6 июля 1885 г. состоялось собрание архиереев в Казани, на котором обсуждались вопросы о религиозно-нравственном состоянии паствы, расколах и сектах, мерах к ослаблению и пресечению мусульманской пропаганды. Был выработан ряд мер, которые предполагалось осуществить во всех епархиях и благочиниях. Рекомендовалось улучшение проповедей священников, проведение их в виде систематических бесед по насущным вопросам веры и нравственности, проведение публичных выступлений богословско-философского и апологетического содержания, духовно-нравственных бесед в домах благочестивых лиц образованного общества.

Духовные консистории выработали соответствующие данным рекомендациям указы и разослали их по благочиниям. В 1891 г. архиерей Томской епархии Макарий рекомендовал всем приходским пастырям воспользоваться внебогослужебными чтениями как важным и действенным средством к усилению нравственного влияния на паству [16, с. 21]. Внебогослужебные собеседования организовывались по воскресным и праздничным дням или после окончания торжественных вечеров. Предметами бесед были догматы веры, церковно-исторические события, недостатки религиозной жизни народа, объяснение благочестивых обычаев и обрядов. Например, в Семипалатинске по желанию собрания прихожан Знаменского собора в помещении Москвитинской школы по воскресным дням проводились общедоступные беседы для лиц, интересующихся устройством жизни на началах христианского вероучения. Темы бесед были следующими: 1) религиозное чувство; 2) учение Господа Иисуса Христа (о триединстве Божиим, о Богочеловечестве, об огромном смысле мировой жизни, идущей к одухотворению и бессмертию); 3) церковь как учреждение, церковная дисциплина; 4) виды церковного общения; 5) приходская жизнь.

Публичные беседы проводились для прихожан различных социальных категорий. Так, собрание духовенства г. Семипалатинска постановило в течение Великого поста устроить целый ряд богословских лекций для местной интеллигенции, кроме того, в три последних воскресенья Великого поста (8, 15 и 22 марта) организовать для нее три палестинских чтения, т.е. чтения о Святой земле со световыми картинками, которые в полном комплекте были выписаны по просьбе Семипалатинского уездного комитета попечительства о народной трезвости [17, с. 47].

Молодежь появлялась в церкви сравнительно редко и не проявляла интереса к беседам религиозной тематики, поэтому причту зачастую приходилось отказываться от идеи проводить чтения в храме и выбирать менее святое место. Например, в Усть-Каменогорске чтения сначала были открыты в здании уездного управления, откуда в 1894 г. были перенесены в собор и по причине святости места пришлось ограничить чтения и пение и держаться исключительно религиозных тем, вследствие чего чтения стали посещать только пожилые люди и то в ограниченном количестве. Молодые же люди оставались на улице, где, по замечанию протоиерея о. Дагаева, «предавались обычному, праздничному времяпровождению». С целью привлечь молодое поколение в 1896 г. чтения пришлось перенести в здание городской управы, а затем в 1897 г. – во вновь отстроенное городское приходское училище. «Мало-помалу чтения стали посещаться все большим и большим количеством народа, и большой зал училища едва вмещает слушателей» [18, с. 17].

В целом довольно часто местом для собеседования служили храмы, а также помещения училищ, волостных правлений, а иногда даже церковные сторожки, как, например, в с. Канонерском Александровской волости. В Семипалатинске осенью 1893 г. по инициативе местного благочинного П. Попова было постановлено вместо отдельных собеседований, проводимых при каждой церкви, устроить одно общее. Для этого генерал-майором А.Ф. Карповым был выделен обширный светлый зал в здании военного манежа [16, с. 23]. Необходимым элементом собеседований было церковное пение, исполняемое главным образом причтами и учениками местных школ.

С каждым годом практика внебогослужебных собеседований все более прививалась. Собеседования положительно влияли на дело дальнейшего осознания веры и занимали важное место в системе религиозно-нравственного воспитания населения.

Проповедь стала входить в богослужебную практику духовенства с XVIII в., но развитие проповеднического искусства сопровождалось трудностями и затянулось на десятилетия. Она являлась важным средством воздействия на религиозность прихожан и выражалась в наставнической деятельности священников.

Проповедь была трудным делом для многих священников, так как не все обладали необходимым для ее проведения ораторским мастерством, требующим эрудиции, начитанности, а также способности импровизировать. Так, священник Тобольской епархии И. Первушин, обличая себя и собратьев,

писал: «И что наши проповеди? Выдирка из книг, без малейшего жевания предмета, неприятная для слушателей, либо собственная галиматья и чепуха, забавляющая цензора» [19, с. 177].

В целом же проповедничество внесло в молитвенно-литургическое общение нечто новое: служба и молитва, воспринимаемая и ощущаемая прежде всего сердцем, чувствами, интуицией, давали пищу уму, рассудку, интеллекту.

Упадок веры и нравственности населения побуждали епархиальное руководство к выработке мер, направленных на устранение этих явлений. Способами реализации мер, направленных против «отчуждения от духа церковности», стали такие средства, как улучшение проповедей священников, чтение их в виде систематических бесед по насущным вопросам веры и нравственности, проведение публичных выступлений богословско-философского и апологетического содержания, духовно-нравственных бесед. Но, несмотря на все попытки представителей православной церкви повысить религиозность народа, в сознании простых прихожан по-прежнему преобладали инертность, зачастую имело место автоматическое исполнение религиозных норм, обрядов и обычаев. Снижение религиозности находило отражение и в нерегулярном посещении храмов. Причины такого поведения населения были связаны с развивающимся в рассматриваемый период хозяйственным практицизмом крестьян, с ростом удаленности, по мере развития переселенческого движения и основания новых поселений, приходских храмов от места жительства.

Библиографический список

1. Ведомость о количестве населения в области по вероисповеданиям за 1910 г. // Обзор Акмолинской области за 1910 год. – Омск, 1911.
2. Ведомость о числе населения Семипалатинской области по вероисповеданиям за 1910 г. // Обзор Семипалатинской области за 1910 г. – Семипалатинск, 1912.
3. Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. – Омск, 1914.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 170. – Оп. 4. – Д. 203.
5. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 2827.
6. Исторический архив Омской области (ИАОО). – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 122.
7. ИАОО. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 155.
8. Соловьева Е.И. Деятельность фонда имени императора Александра III в церковно-школьном строительстве Сибири // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. – Новосибирск, 1992.
9. Сибирские церкви и школы. – СПб., 1904.
10. ГАТО. – Ф. 170. – Оп. 2. – Д. 2084.
11. ГАТО. – Ф. 170. – Оп. 2. – Д. 499.
12. Томские епархиальные ведомости (ТЕВ). – 1892. – 15 сент. – №18.
13. Никифорова О.В. Религиозность сельского православного населения Оренбургской епархии сквозь призму отношения к таинствам Исповеди и Причастия (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Макарьевские чтения : материалы Пятой международной конференции (21–22 ноября 2006 г.). – Горно-Алтайск, 2006.
14. Островская Л.В. Источники для изучения отношения сибирских крестьян к исповеди (1861–1904 гг.) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. – Новосибирск, 1984.
15. Зверев В.А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861–1917 гг.). – Новосибирск, 1998.
16. ТЕВ. – 1894. – №22. – 15 нояб.
17. Омские епархиальные ведомости (ОЕВ). – 1909. – 1 марта. – №5.
18. ОЕВ. – 1902. – 1 авг. – №15.
19. История Курганской области (Церковь Южного Зауралья в досоветский период). – Курган, 1998. – Т. 4.